

ВЕРОЯТНОСТЬ «СЛУЧАЙНОЙ ВОЙНЫ» И РЕАЛИЗАЦИЯ СДЕРЖИВАНИЯ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Сергей Минасян¹

Введение

Практическое применение концепции конвенционального сдерживания (т.е. сдерживания противника от преднамеренных нежелательных военно-политических шагов под угрозой нанесения ему тяжелых потерь «возмездия» сдерживающей стороной с помощью обычных вооружений) в ситуации Карабахского конфликта становится в последнее время достаточно актуальной темой научно-практического анализа. Речь идет о возможности реализации армянскими сторонами военно-политического сдерживания в отношении Азербайджана с целью удержать его (под угрозой причинения неприемлемого ущерба) от искушения возобновить боевые действия против Нагорного Карабаха.

Некоторые теоретические аспекты структуры и механизма конвенционального сдерживания применительно к Карабахскому конфликту уже освещалась в ряде наших работ¹. Наряду с прочими вопросами, в них было показано, что на современном этапе преднамеренное принятие решения о начале боевых действий со стороны Азербайджана, при наличии существенных предпосылок по нанесению ему тяже-

¹ К.и.н., руководитель департамента политических исследований Института Кавказа.

¹ См. подробнее [1-3].

лых потерь и протеканию боевых действий в виде длительной войны «на истощение», представляется достаточно сомнительной и затратной формой политического поведения.

Среди различных типов сдерживания, которые могут быть реализованы в Карабахском конфликте, выделяется также так называемое «ситуативное» сдерживание, изучению особенностей которого и посвящена нынешняя работа. В ней предпринимается попытка обосновать идею о том, что повышающаяся с каждым новым витком региональной гонки вооружений «цена войны» сдерживает стороны Карабахского конфликта также от случайных шагов, которые могут привести к «случайной» войне. При этом данная ситуация может получить большую устойчивость при эффективном использовании армянскими сторонами элементов «ситуационного» сдерживания. Соответственно, в настоящее время возобновление боевых действий в зоне Карабахского конфликта возможно только в случае принятия одной из сторон преднамеренного политического решения на самом высоком уровне, что также связано с серьезными издержками.

Теоретические рамки «ситуативного сдерживания» и концепция «случайной войны» в Карабахском конфликте

В отличие от других типов сдерживания, «ситуативное» сдерживание возникает преимущественно в форс-мажорных ситуациях, накануне или в период кризисов. Как отмечает разработчик данной классификации Патрик Морган, когда вероятный противник «планирует или уже готовится к нападению» или же необходима четкая реакция, чтобы развеять сомнения противника о степени решимости и состоятельности угроз сдерживающей стороны – именно тогда и включаются механизмы «ситуативного» сдерживания [4, р. 9].

Элементами «ситуативного» сдерживания могут быть: эффективная «сигнализация» (военные парады, учения в непосредственной близости от зоны конфликта), демонстративные приобретения новых видов ВВТ, инициирование соответствующей реакции союзных государств и международных организаций, полная или частичная мобилизация, введение чрезвычайного положения и т.д. «Ситуативное» сдерживание в определенных рамках может включать в себя и непосредственные силовые акции в виде ответных карательных действий и акций возмездия ограниченного/пропорционального масштаба для парирования попыток прощупывания решимости сдерживающей стороны.

В настоящее время при практическом анализе «ситуативного» сдерживания в Карабахском конфликте актуальный интерес представляет его способность реагировать на вооруженные инциденты непосредственно на линии фронта (недопущение их эскалации до уровня «случайной войны»). С этой точки зрения, практической задачей «ситуативного» сдерживания является противодействие использованию Азербайджаном вооруженных инцидентов «тактического» уровня в качестве элементов политического давления в переговорном процессе и демонстрации несогласия с сохраняющейся послевоенной политической реальностью вокруг Карабаха. Такие инциденты теоретически могут содержать в себе и угрозу непреднамеренной эскалации до уровня крупномасштабной войны. Зачастую данная ситуация применительно к Карабахскому конфликту представляется в категориях вероятности т.н. «случайной войны».

Идея или концепция «случайной войны» в последние годы достаточно активно вводится в оборот многими экспертами и исследовательскими организациями, занимающимися карабахской проблематикой, и активно используется в своих пропагандистских целях азербайджанской стороной, стремящейся таким образом пошатнуть достаточно устоявшуюся ситуацию военно-политического статус-кво в Кара-

бахском конфликте¹. Речь идет об утверждениях о том, что в результате серии перманентных стычек и обстрелов на линии фронта ситуация может выйти из-под контроля самих конфликтующих сторон и привести к возобновлению широкомасштабных боевых действий.

Однако с учетом имеющегося силового потенциала и степени милитаризации сторон (и взаимной информированности о военно-технических возможностях вероятного противника) данное утверждение является достаточно спорным. Более того, можно утверждать, что утверждения о том, что возможна «случайная война» в условиях, когда десятки тысяч солдат по обе линии фронта в составе регулярных войск противостоящих сторон в течение фактически двух десятилетий находятся в состоянии полной боевой готовности, имеют существенный военно-технический потенциал, в том числе в виде взаимной возможности нанесения удара по столицам и крупным промышленным и населенным пунктам и инфраструктуре, или не укладывается в основы военной стратегии, теории сдерживания и внешней политики, или же просто является спекуляцией – достаточно чувствительной для общественного восприятия темы в политических и пропагандистских целях.

Проблема реагирования на перманентную нестабильность на линии соприкосновения

Вместе с тем надо учесть, что на нынешнем этапе Карабахского конфликта даже случайное совпадение нескольких «удачных» операций на линии фронта (в виде рейдов разведывательно-диверсионных групп или снайперских обстрелов) может создать у одной из противоборствующих сторон ложное ощущение оптимизма и превосходства – т.е. предпосылок принятия на высшем политическом уровне преднамеренного решения о дальнейшей эскалации ситуации.

¹ См., например, [5-7].

В данных случаях механизм эффективной реализации армянскими сторонами «ситуационного» сдерживания предельно ясен: необходимо максимально оперативно и жестко реагировать на них, чтобы не создать у противника искушения интерпретировать их в соответствии с собственными желаниями и ложным оптимизмом. Наглядными примерами реализации армянскими сторонами механизмов «ситуативного» сдерживания в качестве реакции на подобные инциденты на линии фронта являются:

- операция частей Армии обороны НКР у села Леонарх Мартакертского района в ночь с 3 на 4 марта 2008г. (удержавшая азербайджанское военно-политическое руководство от искушения интерпретировать поствыборные события в Армении как удобный повод для изменения ситуации на карабахском фронте или начала боевых действий);
- акции «возмездия» карабахских войск в августе – сентябре 2010г. и масштабные учения в непосредственной близости от линии фронта осенью того же года с участием президентов Армении и НКР (предотвратившие намеренную эскалацию напряженности на линии фронта после диверсионной акции азербайджанских войск на мартакертском направлении в ночь на 18 июня 2010г.);
- события начала июня 2012г. на северо-восточном отрезке границ Армении с Азербайджаном, когда в ответ на операцию разведывательно-диверсионных подразделений азербайджанской армии против передовых частей армянских пограничников последовали ответные действия армянских войск сразу в нескольких направлениях. В результате, в последующий период (по состоянию на начало весны 2013г.) ни на данном участке армяно-азербайджанской границы, ни вдоль линии соприкосновения сторон в Нагорном Карабахе не было зарегистрировано столь серьезного аналогичного инцидента.

Наряду с этим, как показывает практика последних лет, военное возмездие не дает полной гарантии недопущения в дальнейшем подобного рода инцидентов. Надо также учесть несимметричность «болевого порога» у конфликтующих сторон. Ввиду качественно иного уровня военно-гражданских отношений и общественного контроля над военной сферой в Азербайджане по сравнению с Арменией и Нагорным Карабахом, а также демографического дисбаланса, боевые потери на линии фронта по-разному воспринимаются и оцениваются конфликтующими сторонами. Соответственно, симметричный уровень военного возмездия, реализуемого армянскими сторонами в ответ на действия разведывательно-диверсионных или снайперских обстрелов со стороны Азербайджана, не вполне соответствует уровню эффективного сдерживания. Необходима качественно иная арифметика потерь азербайджанской стороны в результате мер военного возмездия, чтобы она сказалась на расчетах азербайджанского руководства, а также достигала общественности этой страны. Следует учитывать и тот факт, что адекватное общественное восприятие военных потерь в Азербайджане затруднено информационной закрытостью и цензурой медийного пространства, несопоставимой с ситуацией в Армении и Нагорном Карабахе.

Поэтому вполне логично в обозримом будущем использование также политических методов в качестве механизма «непосредственного» сдерживания Азербайджана от эскалации напряженности и инициирования инцидентов на линии фронта. Например, таким может быть вопрос признания независимости НКР. Очевидно, что признание НКР является определенным сдерживающим ресурсом начала «большой войны», особенно с учетом факта его необратимости как политического акта со стороны Республики Армения. В то же время может возникнуть ситуация, когда возможна необходимость рассмотрения фактора признания и в качестве ответной реакции в случае активизации Азербай-

джаном снайперских обстрелов и диверсионных действий на линии фронта. Могут быть эффективными для решения подобного рода задач также политические меры переходного характера (например, заключение военного союза между НКР и РА или же подписание межправительственного соглашения без общего признания независимости).

Преднамеренная эскалация в качестве элемента «ситуативного» сдерживания

В качестве элемента реализации армянскими сторонами «ситуативного» сдерживания необходима также серьезная оценка вероятности широко знакомой в теории сдерживания «лестницы эскалации»¹, способной привести к масштабной войне в случае заключения промежуточного соглашения между Арменией и Нагорным Карабахом или других подобного рода мер военно-политического характера. Однако надо особо учесть, что проблема «случайной» эскалации в ситуации конвенционального сдерживания обычно не так критична и опасна, как в ядерном сдерживании, когда ядерным державам необходимо реагировать и принимать политические решения по ответным или ответно/встречным «ударам возмездия» в течение всего нескольких минут, под влиянием сильного морального и психологического стресса, в ситуации «непредвиденной угрозы важным интересам государства с ограниченным временем на принятие решения» [9, с. 302].

Например, в ядерном сдерживании опасность т.н. «опережающей эскалации» связана преимущественно с необходимостью обеспечения в случае «контрсилового удара» выживаемости потенциала своих ракетно-ядерных средств «возмездия» (работает логика того, что надо

¹ Автор термина «лестница эскалации», один из крупнейших американских теоретиков сдерживания Герман Кан выделяет 44 ступени эскалации в конфликте, понимая под этим термином некий «методологический инструмент, предлагающий убедительный перечень многих возможностей, с которыми сталкивается стратег в двусторонней конфронтации и способствующий рассмотрению роста и замедления кризиса». См. подробнее [8, р. 37].

ударить первому, чтобы не дать противнику самому нанести первым обезоруживающий удар). Осознание того, что «только сила, примененная после пережитой атаки, способна разубедить противника проявить агрессию, а также понимание того, что уязвимые войска могут спровоцировать войну» [10, сс. 284-285], – является одной из фундаментальных основ теории и практики сдерживания.

Однако с учетом конвенционального характера сдерживания в Карабахском конфликте возможность эскалации в нем не связана столь критично с опасностью опережающего «контрсилового удара» одной из сторон и выживаемости потенциала «сдерживания наказанием»¹ – другой стороны. В силу ограниченности ракетного и авиационного арсенала (в том числе перспективных ударных БПЛО), а также войск специального назначения азербайджанской армии, практически маловероятна опасность уничтожения Азербайджаном при первом же ударе существенной части армянских дальнебойных средств «сдерживания наказанием», в частности, крупнокалиберных реактивных систем залпового огня (РСЗО) и оперативно-тактических и тактических ракетных комплексов (ОТРК и ТРК). Более того, в силу элементарной логики конвенциональной войны с целью захвата территории Карабаха, для азербайджанской армии необходимо будет нанести первые ракетно-бомбовые удары по командным пунктам и средствам

¹ В соответствии с *характером реализации угроз* «возмездия» выделяется два типа сдерживания: *сдерживание наказанием* и *сдерживание лишением*. Первый тип – *сдерживание наказанием* – предполагает нанесение противнику (его территории, населению, промышленности, инфраструктуре) неприемлемого ущерба ракетно-бомбовыми ударами в случае инициирования агрессии, вне зависимости от самого исхода боевых действий. Предполагалось, что, просчитав все возможные издержки от ответного удара возмездия, вероятный противник откажется от идеи начала военных действий. В основе другого типа сдерживания – *сдерживания лишением* – лежит идея убеждения вероятного противника в том, что если на предыдущем этапе *сдерживание наказанием* окажется неэффективным и он (невзирая на ущерб от возможного возмездия) решится прибегнуть к военным действиям, то столкнется с таким сопротивлением, что не сможет добиться успеха и достичь своих военно-политических целей. См. подробнее [11].

ПВО, для обеспечения дальнейшего выгодного развития наземного наступления, а не по дальнобойным РСЗО, ОТРК и ТРК для нейтрализации средств армянского сдерживания. Наконец, тот факт, что наиболее мощные и современные армянские ракетно-артиллерийские системы (а также командные пункты и средства ПВО), в мирное время дислоцированы не в Нагорном Карабахе, а в Армении, также играет роль достаточно серьезного политического ограничителя при принятии Азербайджаном решения по нанесению первого, «обезоруживающего» удара по потенциалу армянских сил сдерживания. Значимо также членство Армении в ОДКБ и наличие армяно-российских гарантий безопасности¹.

Вместе с тем, в случаях усиления Азербайджаном напряженности на линии соприкосновения сторон, остается открытым вопрос расширения военно-политического арсенала мер «ситуативного» сдерживания. Это требует уже не только детального научно-практического экспертного анализа, исходя из логики и инструментария концепций сдерживания, но и политического решения со стороны военно-политического руководства Армении и Нагорного Карабаха. Например, следует ли армянским сторонам при реализации «ситуативного» сдерживания демонстрировать вероятному противнику готовность к немедленному массивированному противоценностному «возмездию» или же логичнее использовать «лестницу эскалации», например, в случаях, когда речь идет об ударах по объектам азербайджанской нефтегазовой транспортной и добывающей инфраструктуры?

Очевидно, что ответ на этот вопрос невозможно найти без учета армянским военно-политическим руководством политической конъюнктуры на региональном или даже международном уровне в конкретный временной период обострения ситуации, и оценки им состоя-

¹ Подробнее о факторе ОДКБ в контексте армянской политики сдерживания см. [13].

ния реализации сдерживания. Если армянское политическое руководство считает, что сдерживание провалилось, и вероятный противник принял окончательное решение о начале полномасштабной агрессии, тогда целесообразнее нанесение массированного удара «возмездия». Если же, по оценкам армянского руководства, у сдерживания все еще есть шансы (даже частичные) на успешную реализацию или заметна нерешительность противника, тогда более вероятно и обоснованно использование армянскими сторонами «лестницы эскалации», с выборочными «противоценностными» ударами по важнейшим целям в Азербайджане, в первую очередь – объектам его энергетической инфраструктуры. В последнем случае дозированная эскалация может восстановить убедительность сдерживания, усилить нерешительность противника, обеспокоенного степенью и динамикой своих потерь, и продолжить реализацию сдерживания.

Военно-техническое измерение создавшейся ситуации также критически важно для выбора формы реализации «ситуативного сдерживания». Если армянское военно-политическое руководство считает, что сдерживание провалилось, тогда, скорее всего, более эффективен выбор «опции» реализации «сдерживания лишением», с большой ориентацией своих ракетно-артиллерийских средств на поражение военных целей противника. Однако если есть надежда на «компенсационный потенциал» сдерживания и сохраняется возможность удержания противника от инициирования агрессии и возврата к реализации сдерживания, тогда предпочтительнее дозированное использование стратегии «сдерживания наказанием», с ориентацией своего ракетно-артиллерийского потенциала на такие чувствительные невоенные цели, как объекты энергетической и транспортной инфраструктуры Азербайджана. В любом случае, эффективнее будет поддерживать общую «стратегическую неопределенность» в кризисных ситуациях, стараясь

не фиксировать в концептуальных документах и официальных заявлениях выбор армянскими сторонами средств и методов реализации «ситуационного сдерживания». Это создаст дополнительную сложность для Азербайджана, если он будет стремиться возобновить боевые действия и поставить под угрозу реализацию армянской политики «общего сдерживания».

Фактор мобилизации и пределы эскалации

При реализации ситуативного сдерживания и анализа оценки вероятности «случайной войны» в Карабахском конфликте также не столь критична и другая проблема, ранее неоднократно приводившая к витку эскалации и провалу конвенционального сдерживания (например, при начале Первой мировой войны в августе 1914г.) – необходимость при угрозе войны как можно скорее привести в действие механизм всеобщей мобилизации и развертывания армий по штатам военного времени¹. По всей видимости, ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в одной из других постсоветских стран (возможно, даже в России), так и не смогли сохранить оставшуюся в наследство от СССР систему военно-мобилизационных мер, десятилетиями разработанных для массового укомплектования Советской Армии в случае начала широкомасштабной войны со странами НАТО. «Пятидневная война» 2008г. между Россией и Грузией показала, что в случае начала вооруженного конфликта надежды грузинского командования на последующее укомплектование вооруженных сил резервистами были иллюзорными и даже контрпродуктивными².

¹ См. подробнее: [13, сс. 487-493].

² Впрочем, российская армия также не проявила должного уровня мобилизационной готовности. Например, для укомплектования бомбардировочной и штурмовой авиации российских ВВС для выполнения боевых задач против Грузии 8-9 августа 2012г. были привлечены не офицеры-резервисты, а профессиональные летчики-инструкторы с 4-го Луцкого центра боевого применения и переучивания летного состава. См. подробнее: [14].

Возможно, что в Карабахском конфликте инициатор боевых действий сможет провести частичную скрытую мобилизацию среди офицеров-резервистов и некоторых военных специалистов, но полномасштабная предвоенная мобилизация будет практически невозможна. Кроме всего прочего, она приведет к потере критически важного фактора стратегической внезапности и вызовет превентивную политическую реакцию внешних акторов. Например, до начала августовской войны в Южной Осетии в 2008г. грузинское военно-политическое руководство, стремясь сохранить фактор стратегической внезапности, так и не решилось отозвать обратно в Грузию самое боеспособное воинское соединение своей армии – 1-ю пехотную бригаду, выполнявшую миротворческие задачи в Ираке. Решение о ее переброске было принято грузинскими властями лишь после начала боевых действий, и они прибыли в Грузию на военно-транспортных самолетах ВВС США уже почти к завершению «Пятидневной войны» и не успели принять участие в боях¹.

Расчеты американских военных специалистов, исследовавших по заказу Пентагона в начале 1980-х гг. фактор внезапности на примере локальных войн того периода с использованием методов математического анализа и количественных оценок, также показали, что эффективное использование внезапности может позволить наступающей стороне добиться успеха даже при действиях против численно превосходящего противника. Анализируя результаты арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг., американские военные специалисты пришли к выводу, что боевой потенциал численно уступавших израильских войск увеличивался почти в 2,5 раза в случаях достижения фактора внезапности, полностью компенсируя неравенство в силах [16, сс. 41-42]. Соответственно, следует предполагать, что азербайджанское военное командова-

¹ См. подробнее: [15].

ние вряд ли откажется от попытки использования элемента внезапности при инициировании им боевых действий, несмотря на всю сложность и издержки его достижения.

Поэтому начинать боевые действия вероятному агрессору, скорее всего, придется войсками постоянной готовности мирного времени, лишь незначительно усиленных частичной скрытной мобилизацией офицеров-резервистов и наиболее важнейших военных специалистов. Последующая крупномасштабная военная мобилизация после начала боевых действий будет затруднена, например, перегруженностью транспортных коммуникаций и существенно не скажется на боеспособности войск вероятного агрессора в первые дни боевых действий, критически важные для реализации блицкрига. И, наоборот, в Нагорном Карабахе полноценная военная мобилизация может быть осуществлена фактически в течение 24 часов в силу т.н. «милиционного» характера системы мобилиционного развертывания Армии обороны НКР. Кроме всего прочего, это позволит хотя бы на первом этапе боевых действий, важнейшем для реализации армянского сдерживания и предотвращения попытки азербайджанского блицкрига, компенсировать численное преимущественно азербайджанской армии в личном составе. При этом будет также сказываться более высокая боеспособность резервного контингента карабахской армии, состоящего преимущественно из ветеранов боевых действий 1990-х гг. Вышеуказанные факторы, связанные с мобилизационными трудностями и недостаточной эффективностью системы резервистов в Азербайджане, могут сыграть важную роль при реализации «ситуативного» сдерживания в Карабахском конфликте.

Заклучение

Анализ военно-политических аспектов реализации армянскими сторонами «ситуативного» сдерживания показывает, что для гипотетической «случайной» войны в Карабахском конфликте нет особых предпосылок ни из-за соображений «опережающей эскалации» (в том числе пограничных перестрелок и инцидентов), ни в плане военно-политической рациональности.

Исходя из этого и с учетом имеющихся военно-политических и военно-технических реалий, гипотетическое начало вероятной войны в Карабахе обязательно будет требовать от ее инициатора долгой и кропотливой подготовки, с обязательным принятием вероятным инициатором возобновления боевых действий заблаговременного политического решения на самом высоком уровне.

Февраль, 2013г.

Источники и литература

1. *Minasyan S.*, The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment // PONARS Eurasia Policy Memo, №188, September 2011.
2. *Մինասյան Ս.*, Ռազմական դադարի և քաղաքական սահմանի քաղաքականությունը Ղարաբաղյան հակամարտության համատեքստում // Հայկական Բանալ, №4, 2011 (*Минасян С.*, Политика военного сдерживания и политического устрашения в контексте Карабахского конфликта // «Айкакан банак», №4, 2011, на арм. яз.).
3. *Минасян С.*, Поиск стабильности в Карабахском конфликте: между конвенциональным «устрашением» и политическим сдерживанием // Россия в глобальной политике, Т.10, №1, январь-февраль, 2012.
4. *Morgan, Patric M.*, Deterrence Now. Cambridge University Press: Cambridge, 2003.
5. “Armenia and Azerbaijan: Preventing War”, ICG Europe Briefing, #60, February, 8, 2011.
6. “Nagorno-Karabakh: Getting to a Breakthrough”, ICG Europe Briefing, #55, October, 7, 2009.

7. "Nagorno-Karabakh: Risking War", ICG Europe Report, #187, November, 14, 2007.
8. *Kahn German*, On Escalation: Metaphors and Scenarios. – New York: Praeger, 1965.
9. *Холсти Оле Р.*, Кризисы, эскалация, война. Теория международных отношений: Хрестоматия (составитель и научный редактор Цыганков П.А.). – М.: «Гардарики», 2002.
10. *Люттвак Э.Н.*, Стратегия: логика войны и мира. – М., 2012.
11. *Минасян С.*, «Силовая политика» в Карабахском конфликте: дихотомия сдерживания и принуждения // 21-й Век, №3, 2012.
12. *Минасян С.*, Дареному танку в дуло не смотрят. Содержание важнее формы: зачем Армении ОДКБ? // Россия в глобальной политике, Т.10, №6, ноябрь – декабрь 2012.
13. *Такман Б.*, Августовские пушки. – М., 1972.
14. *Лавров А.*, Потери российской авиации в Пятидневной войне с Грузией в августе 2008 года. Танки августа. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009.
15. *Минасян С.*, «Пятидневная война» августа 2008г.: военно-политический анализ. Кавказ-2008, ежегодник Института Кавказа. – Ер., 2010.
16. «Внезапность в операциях вооруженных сил США» (под ред. Кирьяна М.М.). – М.: «Военное издательство», 1982.

POSSIBILITY OF “ACCIDENTAL WAR” AND IMPLEMENTATION OF CONTAINMENT IN THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

Sergei Minasyan

Resume

Practical implementation of conventional containment in regard to the Nagorno-Karabakh conflict becomes rather actual topic of the academic and practical analysis. This refers to the possibility of realization of the military and political containment of Azerbaijan by the Armenian parties in order to deter it (under the threat of infliction of unacceptable damage) from a temptation to resume military actions against Nagorno-Karabakh.